

Frontier Roots of Demographic Stability of Large Modern Russian Settlements in the South of the European Part of Russia

Valery V. Kanishchev¹ & Sergey K. Lyamin²

G.R. Derzhavin Tambov State University. Tambov, Russia

Abstract

The problem of stability and demographic success of a certain part of Russian rural settlements has been the focus of attention of the general public and representatives of various social sciences and humanities for many decades. Historical science finds its place in the study of the deep roots and causes of such stability and success. Even the major works of regional authors, as a rule, cover several decades of the initial history of the first settlements. Only in a few studies, the southern Russian frontier of the 18th – the first half of the 19th centuries is considered in a long historical retrospective. The aim of this research is to compare the paths to the current state of large settlements in the southernmost territories – the so-called second South Russian frontier. The current state of the studied large settlements in the South of European Russia shows that the decisive role in their stability was played by the initial favorable factors including comfortable natural conditions, support from the state, and the high level of socio-economic activity of people. The article provides additional concrete evidence of the positive result achieved by the state and the Russian population in the development of frontier territories through the skillful use of favorable conditions.

The paper is intended for the specialists in history and social sciences, students and all those interested in the fate of the South Russian frontier.

Keywords

Frontier; Demographic Stability; Large Rural Settlements; Natural and Climatic Factors; Political and Governmental Factors; South of European Russia; Historical Demography; Dynamics of Establishing Settlements; Migration Processes

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [valcan\[at\]mail.ru](mailto:valcan@mail.ru)

2 Email: [laomin\[at\]mail.ru](mailto:laomin@mail.ru)

Фронтирные корни демографической устойчивости современных крупных русских поселений юга европейской части России

Канищев Валерий Владимирович¹, Лямин Сергей Константинович²

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина. Тамбов, Россия

Аннотация

Проблема устойчивого развития определенной части русских сельских поселений многие десятилетия является объектом внимания государства, широкой общественности и представителей различных социально-гуманитарных наук. Место исторической науки видится в изучении глубоких корней и причин такой устойчивости. Даже крупнейшие работы историков, как правило, охватывают несколько десятилетий начальной истории первых поселений. Только в единичных исследованиях южный российский фронтир XVIII – первой половины XIX в. рассматривается в длительной исторической ретроспективе. Целью исследования являлось определение специфики движения к современному состоянию возникших в зоне фронта поселений самых южных территорий Европейской России, выявление разнообразных факторов этого процесса. Нынешнее демографическое и социально-экономическое положение изученных крупных поселений свидетельствует, что определяющую роль в их устойчивости сыграли изначальные благоприятные факторы, связанные с комфортными природными условиями, поддержкой государства, высокой социально-экономической активностью населения. В статье продемонстрированы конкретные доказательства позитивных последствий умелого использования государством и русским населением благоприятных условий в освоении фронтирных территорий.

Статья предназначена для специалистов-историков и обществоведов, учащейся молодежи и всех интересующихся судьбой южно-русского фронта.

Ключевые слова

фронтир; демографическая устойчивость; крупные сельские поселения; природно-климатические факторы; государственно-политические факторы; Юг Европейской России; историческая демография; динамика возникновения поселений; переселенческие процессы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: [valcan\[at\]mail.ru](mailto:valcan@mail.ru)

2 Email: [laomin\[at\]mail.ru](mailto:laomin@mail.ru)

Введение

В государственной Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., принятой в 2015 г., среди общенациональных функций, выполнение которых призвана обеспечить Стратегия, демографическая названа второй после производственной.

В понятие демографической устойчивости мы включаем двойной смысл: в широком смысле имеется в виду сохранение поселений в ходе долгой истории, в узком – сохранение сравнительно крупных размеров поселений. В данном случае крупными сельскими поселениями мы считаем населенные пункты, каковыми во Всесоюзных и Всероссийских переписях считались сельские населенные пункты с численностью свыше 3-5 тыс. чел., а также все сельские районные центры независимо от численности.

Хотя Стратегия помимо прочего нацелена на сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, большинство исследований обществоведов нацелено на изучение современных проблем устойчивого развития сельских территорий. В качестве яркого примера приведем сборник материалов научно-практической конференции, на которой выступали социологи, экономисты, юристы, архитекторы, но не участвовало ни одного историка (Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий, 2019).

Мы полагаем, что без исторической науки невозможно понять глубокие корни и факторы устойчивого развития сельских территорий.

И все-таки в первую очередь мы решили найти методологическую опору в работах астраханских философов и культурологов, их коллег из соседних регионов, в которых сформулирован целый ряд методологических положений об особенностях южнорусского фронта.

Наиболее продуктивными для изучения исторических аспектов развития этой фронтальной зоны вообще мы почитали предложенные С.Н. Якушенковым, О.С. Якушенковой, А.П. Романовой, М.С. Топчиевым различные варианты типологии фронта, особенно положение о постфронтире, позволяющее анализировать фронт не как законченное историческое событие, а как современный социокультурный процесс. (Романова & Топчиев, 2014, с. 284-291; Якушенкова & Якушенков, 2015, с. 326-337; Баева, 2014а, с. 54-62; Баева, 2014b, с. 32-38). Такая методологическая основа позволяет изучать современное состояние сельских поселений Юга Европейской России с учетом их фронтального прошлого.

Из положений о раннем фронтире, собственно фронтире и постфронтире вытекает хронология нашей статьи: XVII – начало XXI в. Наши исследования последних лет, сосредоточенные на изучении исторических корней современного состояния русских сел Центральной России, дали немало оснований для утверждений об особой роли благоприятных изначальных, в т.ч. фронтальных, условий в устойчивом развитии многих старинных сельских

поселений (Канищев, & Жиров, 2021, с. 66-81; Канищев, 2021a, с. 211-215; Канищев, 2021b, с. 3-7; Канищев, & Лямин, 2018, с. 60, 73).

Целью данной статьи стало продолжение исследований фронтирного прошлого русских сельских поселений, теперь на материалах самого юга Европейской России. Географические рамки мы ограничили территориями с очень большой долей русского населения (нынешние Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края). Именно от современных поселений этих регионов мы ретроспективно погружаемся в прошлое.

Конечно, в статье невозможно подробно и равномерно рассмотреть все обстоятельства истории сотен поселений за длительный исторический период. Мы сосредоточили главное внимание на современном состоянии поселений, при этом «заглянув» в их фронтирное происхождение. Промежуточные времена нас интересуют ради выяснения наиболее существенных факторов их исторической устойчивости.

Использование предложенных коллегами типов раннего фронта и собственно фронта для нашего исследования означает допустимость постановки вопроса о фронтирной зоне Белгородской черты XVII в. как собственно фронтире (1-м южнорусском фронтире), а о южных землях Нижнего Дона, Нижней Волги и Северного Кавказа, в XVII в. едва освоенных русской метрополией, как раннем фронтире (2-й южнорусский фронт).

Соглашаясь с социально-философскими, культурологическими, антропологическими, психологическими аспектами изучения фронта, взглядом на него как на ценную эвристическую модель для понимания культурных, экономических процессов (Якушенков, Романова, Баева, Хлыщёва, Морозова, & Якушенкова, 2014, с. 304-314), мы особое внимание обращаем на утверждения о фронтире как подвижной границе. Такая подвижность – исторический процесс, который, кроме обществоведческого осмысления, должен наполняться конкретно-исторической информацией о поселениях, жители которых осваивали это фронтирное пространство. В своих предыдущих исследованиях мы рассматривали южный русский фронт XVII в. как сравнительно широкую пограничную зону, которая постепенно обретала идентичность с метрополией (старинными районами Центра России), и показали, что этот процесс занял около двух столетий (Жуков, Канищев, & Лямин, 2012, 77-78; Жуков, Канищев, & Лямин, 2019, 137-150; Канищев, & Баранова, 2015, 178-186).

Мы понимаем, что в одной статье невозможно раскрыть все вопросы многоаспектной и сложной темы. Поэтому должны изначально сделать некоторые оговорки.

С одной стороны, важной для себя мы посчитали постановку С.Н. Якушенковым вопроса о необходимости учета природного фактора зоны фронта как нового ландшафта для русских переселенцев (Якушенков, 2015, 288-298; Якушенков, 2018, 17-21).

Подходя к изучению этого фактора с историко-географических позиций, мы попытались показать конкретную роль природных условий в возникновении и устойчивом развитии крупных сельских поселений зоны в эпоху пост-фронта.

С другой стороны, считаем невозможным в данной работе подробно рассматривать фронт и как культурный феномен. Конечно, культурный фактор как принятие новыми поселенцами местных традиций необходимо учитывать. Но все-таки изучение конкретной исторической роли этого фактора является большой самостоятельной темой. Мы в данной статье позволили себе априорно признать значение такого фактора как неременной основы для демографической устойчивости русских поселений, часть из которых на самом юге Европейской России возникла в инородческой среде, сохранив при этом свою русскую национальную идентичность.

Мы сознательно подробно не рассматриваем политический фактор, считая его слишком широким для определения судеб конкретных поселений, хотя и учитываем его в отдельных случаях (возникновение крепостей в ходе реализации политики присоединения Кавказа, военно-политические последствия войн и восстаний для конкретных поселений, занесения сел в «черные списки» в период раскулачивания и борьбы с саботажниками хлебозаготовок и др.). В большей мере мы рассматриваем государственный фактор, понимая под ним в данном случае инициативу государства в основании некоторых поселений, административно-бюджетную поддержку отдельных населенных пунктов. Предоставление государством статуса уездных и волостных центров в дореволюционной России, районных и сельсоветовских центров в СССР давало дополнительные возможности для развития этой группы сельских поселений. Особенно подчеркнем, что во все времена административные центры получали повышенное бюджетное финансирование.

Осознаем, что не все наблюдения и положения нашей работы бесспорны и убедительны с позиций и самой исторической науки, и особенно с междисциплинарных позиций. Надеемся, что они могут послужить материалом для обмена мнениями и дискуссий в области фронтальной теории, ведущихся на страницах Журнала фронтальных исследований.

В обширной историографии темы заселения Юга Европейской части России мы выделили только те пласты, которые позволяют более-менее четко сформулировать задачи нашей работы. Среди работ общероссийского масштаба специально обратились к тем, которые определяли наиболее весомые факторы выживания населения этой территории, прежде всего умения приспособляться к сложным природным, социально-политическим, этническим условиям (Миронов, 1999; Кабузан, 1996).

Наибольший историографический пласт составили работы, посвященные собственно заселению юга Европейской России, особенно государственному регулированию этого процесса. Подчеркнем, что научное значение сохранили

работы об освоении русским населением Поволжья, Черноморского побережья Кавказа, подготовленные в конце XIX – начале XX в. (Верещагин, 1885; Минх, 2010; Перетяткович, 1882). В определенной мере эти работы, содержащие ценные справочные описания первых поселений юга Европейской России, можно считать и историческими источниками.

В конце XX в. подобный справочный подход предложили авторы книги по истории административно-территориальных преобразований на Кубани (Азаренкова, Бондарь, & Вертышева, 1986). Такого рода издания, к сожалению, очень редки. По-своему ценные работы советских и российских демографов, освещающие общую динамику народонаселения СССР и РФ, вряд ли помогут понять конкретные обстоятельства устойчивого развития либо упадка конкретных поселений.

Среди современных работ, посвященных колонизации южных районов Восточной Европы, отметим статьи В.П. Громова, С. Сазоновой, С.Л. Перечницкой, Тикиджьян Р.Г. (Громов, 1983; с. 34-38; Сазонова, 2009, с. 123-128; Перечницкая, 2011, с. 66-69; Тикиджьян, 2014, с. 541-547).

Наиболее убедительным объяснением факторов исторической стойкости сети поселений Юга Европейской России можно признать перечень, предложенный авторами коллективной монографии о казачьем Доне:

- удобная в географическом плане территория проживания;
- геостратегическое положение казачества в приграничных и спорных районах, в регионах переплетения интересов, ослабления и усиления влияния соседних государств;
- внешнеполитические обстоятельства, необходимость военной защиты от иностранной экспансии, особенно для России;
- развитие торгово-экономических связей в политически нестабильном регионе;
- социально-психологический склад характера, эмоциональная «заряженность» большей части казачества, его стремление к воле, военным походам, кочевой жизни;
- смешанный этнический состав казачества, отбор за долгое время пассионарных, отчаянных людей различных народов, усвоивших опыт и достижений целого ряда этносов (Тикиджьян, Скорик, Кочегаров, & Трут, 1994).

Интересным образом эту работу ростовских историков дополняет статья краснодарской исследовательницы Л.Г. Степановой, посвященная Новороссийской губернии XVIII в., часть которой находилась на территории современной Ростовской области. В статье показано, как первым поселенцам Юга России приходилось адаптироваться к природной среде, влиявшей на их

условия хозяйствования, учитывать рельеф местности, состав грунта, растительный покров, вести распашку земель, неосвоенных на более ранних этапах (Степанова, 2020). Именно такие проявления адаптации, на наш взгляд, во многом объясняют будущую устойчивость поселений этой части южнорусского фронта.

Существенное значение для понимания социально-экономического фактора в заселении юга Европейской России сохраняют фундаментальные работы о заселении и хозяйстве Дона и степного Предкавказья в XVIII - первой половине XIX в., подготовленные А.В. Фадеевым, А. П. Пронштейном, С.А. Чекменевым, В.А. Осиповым. Хотя эти работы написаны во многом в марксистском духе, научную ценность сохраняет тезис о том, что характерной особенностью развития сельского хозяйства на этой территории в XVIII - начале XIX в. являлось зарождение буржуазных отношений (наемный труд, возникновение и рост внутренней и внешней торговли), что привело к более быстрому развитию хозяйства, чем в центральных районах России, где в экономике сильны были пережитки феодализма (Дон и степное Предкавказье, 1977; Осипов, 1985; Фадеев, 1960; Чекменев, 1967).

Более современную, неидеологизированную и разностороннюю характеристику основных этапов заселения Саратовского края содержит книга под редакцией И.В. Пороха (Очерки истории Саратовского Поволжья, 1993).

Для нашего исследования, посвященного сельскому населению южнорусского фронта, особое значение имеет работа саратовского исследователя М.В. Булычева о крестьянском заселении Нижнего Поволжья (Булычев, 2004).

С современных позиций на роль социально-экономического фактора в заселении Юга России взглянула С.Л. Перечинская. Она обратила внимание на ментальность основной группы переселенцев – казенных крестьян, которая стала залогом социально-экономических преобразований и стабильности, послужила предпосылкой формирования буржуазных отношений на юге страны (Перечинская, 2011, с. 68). Для нашего исследования этот тезис особенно важен в связи тем, что во фронтальных территориях Черноземного Центра основное население также составляли государственные служилые люди, к началу XVIII в. превратившиеся фактически в государственных крестьян.

Основной группой источников по истории возникновения и развития избранного круга селений помимо уже указанных исторических исследований справочного характера стали многочисленные общероссийские, региональные, поселенные справочники историко-географического, демографического, социально-экономического характера.

Само число избранных для изучения крупных поселений определено на основе материалов Всесоюзных и Всероссийских переписей населения 1939, 1959, 1989, 2002 и 2010 гг.

Особенно подчеркнем, что все эти материалы широко использованы в статьях Википедии об отдельных населенных пунктах. Мы в очередной раз

призываем коллег не удивляться серьезному отношению к статьям Википедии как историческому источнику. Наш многолетний опыт обращения к информации этого ресурса об отдельных населенных пунктах свидетельствует о размещении в нем достоверных фактов из старинных исторических и историко-географических источников, работ профессиональные историков и специалистов других областей знаний, региональных и локальных официальных документов. Вносимые в статьи изменения, как правило, представляют дополнения из такого же рода источников (особенно из появившихся в Интернете с 2000-х гг. отчетов сельских советов).

В приложении в качестве образца мы поместили примечания к статье о хуторе Тормосин, который уже перестал быть крупным поселением, но описан на широком для такого поселения круге источников. Статьи об остальных крупными поселениях основаны на еще больших комплексах источников и исторической литературы.

Возникновение поселений в зоне второго южнорусского фронта

Из 267 современных крупных сельских русских поселений и появившихся на их основе поселений городского типа в современных Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях 232 возникли в эпоху пребывания этих территорий в зоне южнорусского фронта. Точности ради скажем, что первоначальный список крупных сельских поселений формировался на основе данных переписи 1939 г., когда Волгоградская область была Сталинградской, а Ставропольский край – Орджоникидзевским. В послевоенные годы в этих регионах происходили административные изменения. Но они существенно не коснулись крупных сельских поселений. Мы выяснили 2 случая перевода в другие регионы. С. Черный Яр Сталинградской области оказалось в составе Астраханской области. Станица Наурская Орджоникидзевского края вошла в состав Чечено-Ингушской АССР. Мы не включили эти поселения в свои подсчеты.

Выявленные источники показали, что сведения о времени основания этих поселений оказались достаточно точными. В Черноземном Центре фронтирной эпохи, как мы не раз указывали, это было связано с основанием первых поселений государством специальными датированными указами (Канищев, & Лямин, 2018, с. 67-73; Жуков, Канищев, & Лямин, 2020, с. 38-57). На самом юге Европейской России, изучаемом в данной статье, государство не только основывало новые поселения, но и «брало под свое крыло» уже существовавшие здесь поселения. Конечно, указания на даты возникновения некоторых селений со слов старожилов, записанные в XIX, а то и в XVIII в., являются вторичной информацией, зачастую легендарной. Но знание общего исторического контекста отдельных регионов позволяло с достаточной для

нашего исследования точно установить период появления того или иного поселения. Даты основания инородческих поселений зачастую неизвестны. Нас интересует время возникновения на их месте русских сел, которое в большинстве случаев известно или определимо по принадлежности к историческому периоду.

Время основания/ число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
До XVII в.	0	0	3	0	3
XVII в.	12	0	10	1	23
Первая половина XVIII в.	5	1	7	0	13
Вторая половина XVIII в.	10	39	16	23	88
Первая половина XIX в.(включая 1860-е гг.)	11	50	18	26	105
Всего	38	90	54	50	232

Таблица 1. Количество современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне 2го южнорусского фронта

Table 1. Amount of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the 2nd South Russian frontier

Время основания будущих крупных поселений в целом было связано с продвижением Российского государства на юг Восточной Европы. Вполне объяснимо зарождение таких поселений в XVII в. на территории современной Волгоградской области, которая вошла в состав России после покорения Астраханского ханства еще в середине XVI в.

Не совсем понятно появление десятка с лишним поселений в XVII в. и тем более в XVI в. на территории Ростовской области. Ведь эта земля официально стала переходить в российское подданство только в период Азовских походов конца XVII в. Однако вольные донские казаки были способны (в смысле умения приспосабливаться к сложным условиям жизни) создавать поселения

на свободной степной земле, лишь «слегка» входившей в зону влияния России. Это обстоятельство служит одним из факторов исторической устойчивости крупных донских поселений. Сработала «закалка» жизни во фронтирных условиях, которые «напрягли» не только российскими претензиями, но и близостью суровой Османской империи, Крымского ханства.

Несколько удивительно выглядят данные основания будущих крупных поселений на Нижней Волге и Нижнем Дону в первой половине XVIII в. Эта внешняя нелогичность все-таки объяснима. Как писал А.Н. Минх, начало активного заселения Нижнего Поволжья было связано со строительством оборонительных сооружений в 1720-х гг. и изданием указов о создании Волжского казачьего войска в 1730-х гг., позволивших обезопасить территорию Царицынского уезда от набегов кочевников (Минх, 2010).

Новые волны заселения Донской земли в первой половине XVIII в., вероятно, сдерживались временной утратой Россией Азова, жестоким подавлением Булавинского восстания, другими военно-политическими обстоятельствами.

Основание будущих крупных русских поселений на землях современных Краснодарского и Ставропольского краев вообще началось только после русско-турецкой войны в 1770-е гг. Большинство поселений здесь возникло в первые десятилетия XIX в., включая время окончания Кавказской войны в 1860-е гг.

В отличие от 1-го южного фронта, который двигался по «Дикому Полю», освоение территорий Северного Кавказа шло по землям, ранее принадлежавшим другим народам и государствам. Не вдаваясь в специальное изучение этих обстоятельств, отметим только то, что они привели к быстрому обрусению казачьего населения, на которое опиралось Российское государство.

Основатели поселений в зоне южнорусского фронта

В исследованиях по истории освоения фронтирных территорий особое место уделяется информации о местах выселения первых поселенцев. В зоне 1-го южнорусского фронта большинство ранних поселений основали выходцы из старых московских уездов, что было индикатором тождества жителей новых поселений с населением метрополии.

На южном фронте XVIII-XIX вв. главной особенностью было то, что большинство поселений основало местное население.

Регион выселения/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Местное население	21	65	18	1	105
Центральные уезды	1	0	1	5	7
Среднее Поволжье	1	0	0	2	3
Центральное Черноземье	2	5	7	27	41
Украина	3	3	8	18	32
Вторичное заселение	6	0	6	5	17
Крым	0	0	1	0	1
Неизвестно или неопределенно	5	19	15	14	53
Всего	39	92	56	72	259

Таблица 2. Районы выселения первых поселенцев современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне 2-го южнорусского фронта

Table 2. Areas of settlement of the first settlers of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the 2nd South Russian frontier

Сразу оговоримся, что во всех регионах, особенно Ставропольском крае, число районов выселения превышает число изучаемых населенных пунктов, т.к. в часть из них одновременно заселялись люди из разных регионов.

Количество поселений с неизвестными или нечетко выраженными в источниках местами выхода первопоселенцев составило пятую часть фактов таблицы, что, на наш взгляд, принципиально не меняет выводы по данному вопросу.

Говоря о местном населении, мы прежде всего имеем в виду казаков, которые зачастую жили в поселениях до прихода Русского государства, а также представителей некоторых степных и горских народов, чьи мелкие поселения существовали на месте будущих крупных русских сел.

Вторичное заселение – это продолжение движения казацкого населения той же зоны, только на новые места внутри нее.

Таблица 2 совершенно очевидно свидетельствует о том, что в Волгоградской и Ростовской областях, Краснодарском крае выходцы из Центральной России основали значительно меньшее число будущих крупных поселений, чем в зоне 1-го южного фронта, где они составили около 40% первых поселенцев (Канищев, В. В., & Лямин, С. К., 2018).

Специфика заселения территории современного Ставропольского края состояла в том, что государство изначально оказывало существенную материальную поддержку переселенцам из Центра страны. Для нашей темы особенно важно то, что среди мест выселения на земли Ставрополя явно преобладали уезды и губернии Центрального Черноземья. В меньшей мере это проявлялось в истории поселений Волгоградской, Ростовской областей и Краснодарского края. В широком смысле, в принципе понятном и закономерном, выселение из центрально-черноземных регионов далее на юг можно назвать вторичным заселением потомками первопоселенцев всей зоны южнорусского фронта XVII-XIX вв.

Переселенцев из старого московского Центра России среди основателей первых поселений 2-го южнорусского фронта было мало по понятным причинам. Бежать из центральных уездов и губерний на далекий Юг в XVIII – XIX вв. в условиях сложившейся полицейской системы было намного сложнее, чем в «послесмутные» десятилетия XVII в. Кроме того, государство было заинтересовано в материальной поддержке переселенцев в зону 2-го южнорусского фронта, уже освоившихся в лесостепных условиях, а, самое главное, бывших «своими», государственными и дворовыми крестьянами. Большая часть представителей этих социальных групп проживала в Черноземном Центре, первые поселения которого уже с конца XVIII в. испытывали аграрное перенаселение.

Существенным отличием 2-го южнорусского фронта являлось широкое участие в основании поселений выходцев из Украины. В некоторых работах приводятся количественные данные о том, что их было значительно меньше, чем переселенцев из Центра России (Громов, 1983, с. 34). Но все равно такие переселенцев было больше, чем в зоне 1-го южнорусского фронта, где черкасы не создавали новых поселений, а нанимались на службу в уже существовавшие крепости.

Основателями первых поселений фронта XVII в. в принципе не могли быть выходцы из Крыма и даже Среднего Поволжья, которое в этот период также заселялось из старого Центра и не давало вторичного переселения в Центрально-Черноземный регион.

Социальные группы/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Казаки	11	64	18	6	99
Служилые люди	3	12	11	8	34
Отставные солдаты	0	0	0	2	2
Помещики	0	0	5	0	5
Крестьяне	0	1	3	6	10
Немецкие колонисты	0	0	0	1	1
Армяне	0	0	1	0	1
Переселенцы вообще	9	8	4	16	37
Неизвестные или неопределенные	15	5	12	11	43
Всего	38	90	54	50	232

Таблица 3. Социальные группы первых поселенцев современных крупных русских сельских населённых пунктов, возникших в зоне второго южнорусского фронта

Table 3. Social groups of the first settlers of contemporary large Russian rural settlements that emerged in the zone of the second South Russian frontier

Таблица 3 является логичным продолжением предыдущей. Она еще раз подтверждает преобладание казаков как особой социальной группы среди основателей будущих крупных русских поселений Юга Европейской России.

Государство силами служилых людей непосредственно создавало меньше поселений. Но мы оговоримся, что казаки первоначально обустроивали свои населенные пункты при поддержке государства.

В сохранившихся крупных поселениях Волгоградской области и особенно Ставропольского края на втором месте находилась неопределенная в социальном отношении группа, которая в источниках называется переселенцы. Конечно, при более углубленном изучении можно установить состав этой категории первопоселенцев. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что это были неместные жители, не казаки.

Информация источников только в редких случаях позволила четко выделить крестьян как первых поселенцев населенных пунктов Краснодарского и Ставропольского краев, Волгоградской и Ростовской областей. Косвенные

данные позволяют предполагать преобладание крестьян среди переселенцев вообще. Но мы отнеслись к этим данным осторожно, поскольку среди переселенцев могли быть и служилые люди, и жители полудеревенских посадов центрально-русских и украинских городов.

В таблице 3 мы получили очередное подтверждение важного различия 1-го и 2-го южнорусских фронтиров, связанного с практически полным отсутствием на самом Юге Европейской России помещичьего землевладения и, соответственно, отсутствия помещиков как основателей первых поселений.

Отметим факты основания отдельных сел отставными солдатами (это сопоставимо с основанием сел Центрального Черноземья бывшими военными служилыми людьми), а также, казалось бы, экзотические факты основания будущих русских крупных сел немецкими колонистами и крымскими армянами. Да, это было необычно для Черноземного Центра (единичные факты возникновения небольших немецких колоний имели место только в Воронежской губернии). Применительно к зоне 2-го южнорусского фронта об участии немцев и армян в заселении региона известно достаточно. Другое дело, что представители этих народов смогли создать единичные сельские поселения, которые впоследствии стали крупными.

Для нашей темы было важно в очередной раз подчеркнуть, что поселенческая сеть 2-го южнорусского фронта главным образом формировалась наиболее подготовленными к жизни в местных условиях казаками, а также переселенцами из степных и лесостепных территорий Центральной России и Украины.

Природно-климатические факторы динамики поселений в зоне южного фронта

При изучении приспособления как одного из главных оснований исторической устойчивости крупных сельских поселений важно конкретно объяснить роль природно-климатического фактора.

Оговоримся, что речь идет о современных водоемах. Мы понимаем, что мелкие водоемы в жарких краях в ходе истории могли высыхать или, напротив, наполняться водой. Поэтому появилась строка об отсутствии естественного водоема, который четко не просматривается на современных картах. При малых цифрах она не влияет по большому счету на наши выводы по данному сюжету.

Водоемы/число упоминаний	Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край	Всего
Большие реки (тысячи км)	7	0	12	0	19
Средние реки (сотни км)	18	33	16	29	96
Малые реки (десятки км)	13	30	22	20	85
Море	0	27	1	0	28
Нет водоема	0	0	3	1	4
Всего	39	90	54	50	232

Таблица 4. Расположение современных крупных русских сельских населённых пунктов зоны 2-го южнорусского фронта относительно водоемов

Table 4. Location of contemporary large Russian rural settlements of the zone of the 2nd South Russian frontier in relation to water bodies

Как видно из таблицы 4, на берегах больших рек (имеются в виду Волга и Дон) находилось около 20% поселений только в Волгоградской и Ростовской областях. Да и это местоположение не всегда было благоприятным. Народная память нынешних жителей сохранила сведения о крупных подтоплениях и переселениях на другие берега.

Станицу Клетская ныне Волгоградской области из-за разливов Дона переносили 4 раза. По тем же причинам неоднократно менял свое местонахождение казачий городок Верхний Курман Яр. Несколько раз с правого берега Дона на левый переносили станицу Семикоракорская. Факты переносов селений из-за мощных разливов Дона помнят современные жители станиц Романовская и Казанская Ростовской области.

Большинство крупных поселений изученных регионов располагались на средних и малых реках. В степной зоне часто возникала проблема пересыхания таких рек. Но, судя по всему, для данной группы поселений проблема не была столько тяжелой, и они выжили. Более того, в памяти жителей некоторых из них также сохранились факты крупных подтоплений и последующих переселений. Приведём два факта на территории современной Волгоградской области. Добринский казачий городок в 1779 г. из-за частых наводнений был перенесен на правый берег средней реки Хопер, а с. Алексеевская из-за потопа в 1764 г. – на левый берег небольшой реки Бузулук.

Данные о природных ландшафтах, в которых появились современные крупные поселения, в источниках зафиксированы не очень полно и четко. Мы посчитали допустимым с оговорками использовать их в нашей работе. При ограниченности информации о состоянии природных ландшафтов Юга Европейской России в XVII-XIX вв. строить таблицу с количественными данными было некорректно. Полагаем, что в этом случае достаточен порядок цифр.

Чаще всего (десятки случаев) упоминалось расположение русских селений в степной природной среде. В источниках встретились единичные упоминания расположения русских населенных пунктов в лесных, лесостепных, полупустынных местах.

Упоминания предгорного положения русских поселений звучат в источниках редко. Показателем того, что горы – это не совсем русская природная среда, является единственный факт основания будущей крупной станицы Мингрельская в горах Кавказа в 1863 г. и перенос ее из-за неудобства расположения уже в 1865 г. Именно на новом месте поселение и стало крупной станицей.

Остальные не горные, а именно предгорные поселения Краснодарского края нашли какие-то выгоды из своего положения (между горами и степной равниной, между горами и морем), позволившие им стать крупными населенными пунктами. Предгорные станицы Белореченская, Крымская, Курганская, Лабинская, судя по всему, по комплексу «достижений», стали городами. Станица Ахтырская с 1948 г. успешно развивается благодаря добыче нефти в ее окрестностях. Станица Холмская выгодно расположена на железной дороге и автотрассе Краснодар-Новороссийск. Станица Передовая именно в силу своего географического положения является известным центром горного туризма и курортом. Ну, а станица Лазаревская, благодаря расположению между городами и Черным морем, стала частью большой курортной зоны, микрорайоном города Сочи.

Особо отметим крайне редкое упоминание лесных угодий в районе селений, при этом речь идет о небольших рощах. Возможно, русские переселенцы центральных районов страны не считали такие угодья за леса. Вероятно и то, что небольшие лесные насаждения были давно сведены и не остались в памяти современных жителей. Судя по всему, обосновываясь на Юге Европейской России, русские крестьяне вслед за казаками сумели пережить нехватку лесных ресурсов.

Сумели они преодолеть и другие природные напасти. В частности, известно, что с конца XIX в. во многих регионах Восточной Европы стали проявляться сильные засухи. Крупнейшие циклические засушливые годы (1891-1892, 1905-1906, 1920-1922, 1932-1933, 1946-1947 гг.) затронули и зону бывшего южнорусского фронта.

Государственно-политические факторы динамики поселений в зоне южного фронта

Особо отметим, что природные «напасти» конца XIX – первой половины XX в. в данной зоне сочетались с крупными социально-политическими потрясениями. Приходится вспоминать, что эти территории почти полностью напрямую затронули Гражданская и Великая Отечественная войны.

Воспоминания о тяжелых боях периода Гражданской войны до сих пор живут в памяти краснодарских станиц Гривенская, Курганская, Ладожская, Советская, волгоградских станиц Нижне-Чирская, Сиротинская, ростовских селах Веселый Хутор, с. Голодаевка, ростовских станиц Вешенская, Дубовская, Кагальницкая, Константиновская (ныне г. Константиновск), Мечётинская, ставропольском с. Константиновское. Специфически проявилась историческая память в с. Медвецкое Ставропольского края, которое долгие десятилетия носит имя героя Гражданской войны Гофицкого.

Тяжелые последствия для поселений Юга Европейской части России имел не только сам голод 1932-1933 гг., но и сопровождавшие его репрессии. Современные жители станиц Медведовская, Полтавская, Старо-Красно-Корсунская, Уманская, Уруповская Краснодарского края помнят о том, что в 1932-1933 гг. эти поселения попали в черные списки, доски позора, списки саботажников. За несдачу хлеба государству их население было полностью или частично выселено.

В 1942 – начале 1943 г. в зоне тяжелых боев Сталинградской битвы оказались села Верхне-Кумаровская, Калач, Тормосино, хутор Чернышовский. С. Городище вообще находилось в «гуще» событий (там находился штаб Паулюса). По окрестностям с. Суровикино проходила линия обороны Красной Армии. В Ростовской области особо помнят о бомбежках станицы Константиновская, бомбежках, а также артобстрелах и пожарах в станице Чернышевская. В Краснодарском крае вспоминают тяжелые бои в районе станицы Куцевская, об угоне немецкими войсками значительной молодежи в станице Гулевичи. Особым событием в Ставропольском крае была депортация в 1941 г. из с. Великокняжеское российских немцев.

Во многих крупных поселения юга Европейской России сохранилась память об оккупации гитлеровскими войсками в годы Великой Отечественной войны: станицы Динская, Должанская, Корневская, Лабинская, Ленинградская, Ново-Кубанская, Ново-Титаровская, Тамань, Удобная Краснодарского края, села Анастасиевка, Белая Калитва, Веселый Хутор, Голодаевка, станицы Богаевская, Дубовская, Егорлыкская, Раздорская, Семикоракорская Ростовской области, села Дивное, Константиновское, Московское, Ново-Александровское, Петровское Ставропольского края и др. Сравнение списков крупных сел, непосредственно испытавших тяготы войн XX в., показывает, что целый ряд из них пострадал дважды.

Послевоенные годы принесли новые испытания для нескольких тогдашних крупных сел. Природный, а, можно сказать, социоприродный фактор существенно повлиял на исторические судьбы ряда сел Волгоградской области. С. Верхне-Курмоярское в 1950 г. было расселено при строительстве Цимлянского водохранилища. По той же причине на новое место в 1950-е гг. была переселена станица Нижне-Чирская, а также часть населения с. Луговая Пролейка.

Совершенно особым был случай, связанный с крупным селом Житкур Сталинградской области, которое в 1946 г. было ликвидировано в связи со строительством полигона Капустин Яр.

Для многих поселений бывшего 2-го южнорусского фронта особые условия для развития создали административно-политические обстоятельства XX в.

		Волгоградская область	Краснодарский край	Ростовская область	Ставропольский край
	Всего	38	58	56	36
Число райцентров в 1939 г.	В т.ч. с числом жителей менее 5 тыс. чел.	30	7	32	7
Сохранили статус райцентров	Остались сёлами	10	20	26	10
	Стали городами и посёлками	8	14	6	13
Утратили статус райцентра	Остались сёлами	19	22	21	12
	Влились в город	1	2	3	1
Весь период сохраняли статус простого села (не райцентра)		0	32	6	21
Всего		38	90	62	57

Таблица 5. Изменения административного статуса сельских райцентров и крупных сел русских регионов Юга Европейской России в 1939-2010 гг.

Table 5. Changes in the administrative status of rural district centers and large villages of the Russian regions of southern European Russia in 1939-2010.

Предоставление десяткам сельских поселений статуса районных центров, поселков городского типа, включение некоторых из них в состав городов

давало разнообразную государственную организационную и финансовую поддержку. Благодаря такой поддержке большинство этих поселений сохранились в разряде крупных. И что важно подчеркнуть для нашей темы, по степени устойчивости и успешности демографического развития русские поселения самых южных регионов превосходили первые фронтальные селения Центрально-Черноземного региона. Проведенное ранее исследование показало, что во второй половине XX – начале XXI в. в условиях урбанизации и депопуляции сельского населения на юге Европейской России сократило свою численность 38% крупных сельских поселений, а в Центральном Черноземье (здесь также большинство крупных сел возникло в период фронта) – 65%.

С другой стороны, из таблицы 5 можно понять, что не все крупные сельские поселения Юга Европейской России были «обласканы» государством, в течение изученного отрезка времени утратили статус районных центров или вовсе его не имели, всегда были простыми селами или станицами. Они обеспечили свою устойчивость благодаря успехам социально-экономического развития.

Мы уже отмечали факты устойчивого и успешного развития краснодарских станиц Холмская и Передовая. Среди сохранивших крупные размеры, не являющихся районными центрами, но имеющих в начале XXI в. очень развитый по российским сельским меркам экономический уровень можно назвать десятки поселений Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев. Разнообразные (порой десятки) предприятий промышленности, сельского хозяйства, транспорта, строительства, торговли, коммунального хозяйства действуют в волгоградских селах Горный Балыклей, Вязовка, Кайсацкое, Лемешкино, Усть-Бузулуцкое, хуторах Зимняцкий и Тормосино, станице Сиротинской, краснодарских станицах Васюринская, Владимирская, Вознесенская, Гостагаевская, Кавказская, Казанская, Кирпильская, Крыловская, Ладожская, Марьяновская, Медведовская, Михайловская, Ново-Деревянковская, Ново-Леушковская, Ново-Минская, Ново-Мышастовская, Ново-Титаровская, Ново-Щербиновская, Петропавловская, Пластунская, Роговская, Родниковская, Рязанская, Советская, Старовеличковская, Старо-Нижне-Стеблиевская, Старо-Мышастовская, Старо-Титаровская, Тамань, Терновская, Удобная, Шкуринская, селе Петровское, ростовских станицах Кривянская, Мечётинская, селах Кагальник, Алексеево-Лозовск, Веселый Хутор, Красная Поляна, Мальчевская, Развильное, Самарское, хуторе Базки, ставропольских селах Александрийская, Архангельское, Обильное, Большая Джалга, Нины, Покойное, Прасковья.

Мы привели обширный список крупных, но не самых развитых сельских поселений четырех регионов юга Европейской России, дабы подчеркнуть значение фактора социально-экономической «бойкости» в устойчивом развитии поселений Юга России. Совершенно очевидно, что сельские поселения, оставшиеся райцентрами или влившиеся в состав городов, развиты еще

больше. При этом мы подчеркиваем, что все крупные по численности селения и районные центры стали таковыми благодаря тому, что успешно развивались в досоветское время. Об успешности развития сельских населенных пунктов Волгоградской и Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев на фоне ранее изученных нами единичных поселений бывшего 1-го южнорусского фронта мы уже писали (Жиров & Канищев, 2021).

Выводы

Современное состояние изученных крупных поселений Юга Европейской России показывает, что они смогли пережить все упомянутые напасти, тяготы и лишения и в нынешних условиях демонстрируют свою демографическую и социально-экономическую успешность. Определяющую роль в этом сыграли изначальные благоприятные факторы, связанные с комфортными природными условиями, а также поддержкой государства и социально-экономической «бойкостью» населения.

Полагаем, что получили в статье дополнительные конкретные доказательства позитивных последствий умелого использования государством и русским населением благоприятных условий в освоении фронтирных территорий.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.» № 18-18-00187)

Список литературы

- Азаренкова, А. С., Бондарь, И. Ю., & Вертышева, Н. С. (1986). *Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793-1985 гг.)*. Краснодарское книжное издательство.
- Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. (2019). Издательство КубГАУ.
- Баева, Л. В. (2014а). Зона северного Прикаспия и нижнего Поволжья как фронтир: Классификация и характеристика. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции* (с. 54–62). Южный федеральный университет.
- Баева, Л. В. (2014б). Типология и проблемы изучения южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия, социология и социальные технологии*, 2, 32–38.
- Булгачев, М. В. (2004). *Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия*. Издательство Саратовского университета.

- Верещагин, А. В. (1885). *Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат*. Типография Товарищества «Общественная польза».
- Громов, В. П. (1983). Соотношение народной и правительственной колонизации Предкавказья в последней четверти XVIII – первой половине XIX века. *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки*, 3, 34–38.
- Жиров, Н. А. (2019). Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в 1959–2010 гг. На районном уровне. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 183, 244–251. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251>
- Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2012). Моделирование исторической динамики южнорусского фронта. XVII – первая половина XIX вв. (ФронтирФрактал). *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*, 42, 77–78.
- Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2019). Подходы к фрактальному моделированию процессов освоения зоны южнорусского фронта: Новая версия модели. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 182, 137–150. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150>
- Жуков, Д. С., Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2020). Формирование поселений зоны южнорусского фронта XVII – первой половины XIX вв. И современная демографическая ситуация в центрально-чернозёмном селе (по материалам Тамбовской области). *Журнал Фронтальных Исследований*, 4, 38–57. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235>
- Золотов, В. А., & Агафонов, А. И. (1977). Сельское хозяйство Дона и Приазовья в первой половине XIX века. В *Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века. (Заселение и хозяйство)* (с. 100–110). Издательство Ростовского университета.
- Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. Материалы научно-практической конференции.* (2009). Типография «Плехановец».
- Кабузан В. М. (1996). *Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование*. Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ.
- Канищев, В. В. (2017). Влияние «малого ледникового периода» на крестьянское хозяйство юга Центральной России в первой половине XIX в. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова* (с. 362–366). Оргкомитет Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова.
- Канищев, В. В. (2021a). Историко-демографические судьбы бывших дворянских сел Тамбовского уезда в XVII–XXI вв. В *Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.* (с. 211–215). Издательство ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского.
- Канищев, В. В. (2021b). Историческая устойчивость поселений Белгородской черты (на материалах Козловского уезда). *Аграрная история*, 6, 3–7.
- Канищев, В. В., & Баранова, Е. В. (2015). Пространственное представление движения южнорусского фронта в середине XVII – середине XIX вв. В *Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова* (с. 178–186). Оргкомитет Чтений памяти академика РАН Л.В. Милова.
- Канищев, В. В., & Жиров, Н. А. (2021). Устойчивость в развитии крупных русских сельских поселений Центра и Юга Европейской России во второй половине XX – начале XXI вв. *Вопросы истории*, 11, 66–81. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi32>

- Канищев, В. В., & Лямин, С. К. (2018). Факторы фрактальной модели вхождения зоны южнорусского фронта в состав Московского государства: Новая версия. *Журнал Фронтирных Исследований*, 4, 60–73. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023>
- Лиджиева, И. В., & Бадмаева, Е. Н. (2021). Количественный учет инородческого населения Юга России во второй половине XIX в. *Журнал Фронтирных Исследований*, 3, 29–47. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.289>
- Миних, А. Н. (2010). *Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия.* Издательство Волгоградской академии государственной службы.
- Миронов, Б. Н. (1999). *Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.* Дмитрий Буланин.
- Осипов, В. А. (1985). *Саратовский край в XVIII в.* Саратовское книжное издательство.
- Очерки истории Саратовского Поволжья: Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. (1993). ИИЦ АО «Заволжье».
- Перетяткович, Г. (1882). *Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края.* Типография П. А. Зеленого (О. Г. Ульриха).
- Перечицкая, С. Л. (2011). Заселение Юга Российской империи в последней четверти XVIII в. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 9, 66–69.
- Романова, А. П., & Топчиев, М. С. (2014). Кавказ как вечный фронтир. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 284–291.
- Романова, А. П., Топчиев, М. С., & Саракеева, Э. А. (2013). Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 298–303.
- Сазонова, С. (2009). Государственное регулирование переселения украинцев на территорию кавказского линейного казачьего войска (конец XVIII – первая половина XIX в.). *Власть*, 4, 123–127.
- Степанова, Л. Г. (2020). Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в.: Структурно-формирующие факторы расселения. В *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы* (с. 72–81). Издательско-полиграфический центр «Научная книга».
- Тикиджьян, Р. Г. (2014). Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв. В *Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции* (с. 541–547). Южный федеральный университет.
- Тикиджьян, Р. Г., Скорик, А. П., Кочегаров, А. В., & Трут, В. П. (1995). Очерк третий. Донское казачество и Российское государство: Исторический опыт взаимоотношений. В *Казачий Дон. Очерки истории. Часть 1. История и культура Ростовской области.* <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/index.shtml>
- Фадеев, А. В. (1960). *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.* Издательство Академии наук СССР.
- Чекменев, С. А. (1967). *Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. б.и.*

- Якушенков, С. Н. (2015). Фронтир как культурная парадигма. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 288–298.
- Якушенков, С. Н. (2018). Астраханский фронтир как модель регионального развития в XVII–XIX вв. В *Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: Интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)»: Материалы Международной научной конференции* (с. 17–21). Издательский дом «Астраханский университет».
- Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщёва, Е. В., Морозова, Е. В., & Якушенкова, О. С. (2014). Фронтир как эвристическая модель историко-культурного познания. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 4, 304–314.
- Якушенкова, О. С., & Якушенков, С. Н. (2015). Трансформация образа Чужого в условиях пост-фронтирной культурной парадигмы. *Научный журнал КубГАУ*, 10, 326–337.

References

- Actual issues of sustainable development of rural areas. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* (2019). Publishing house of KubGAU. (In Russian).
- Azarenkova, A. S., Bondar', I. Ju., & Vertysheva, N. S. (1986). *The main administrative-territorial transformations in the Kuban (1793-1985)*. Krasnodar Book Publishers. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014a). Northern Caspian and Lower Volga Region as a Frontier: Classification and Characterization. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 54–62). Southern Federal University. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014b). Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *Vestnik of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).
- Bulychev, M. V. (2004). *Peasant colonization of the Saratov region at the end of the 18th century and the first half of the 19th century and its consequences*. Saratov University Press. (In Russian).
- Chekmenev, S. A. (1967). *Socio-economic development of Stavropol and Kuban in the late 18th century and the first half of the 19th century*. n. p. (In Russian).
- Essays on the History of the Saratov Volga Region: Vol. 1: From Ancient Times to the Abolition of Serfdom.* (1993). Zavolzhye Information and Communication Center. (In Russian).
- Fadeev, A. V. (1960). *Russia and the Caucasus in the First Third of the 19th century*. USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
- Gromov, V. P. (1983). Correlation of People's and Governmental Colonization of the Pre-Caucasus Region in the Last Quarter of the 18th Century and the First Half of the 19th Century. *Proceedings of the North Caucasus Scientific Center of Higher Education. Social Sciences*, 3, 34–38. (In Russian).
- Historical Memory of the Population of Southern Russia about the Famine of 1932-1933.* (2009). Plekhanovets Printing House. (In Russian).
- Jakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Khlyshhjova, E. V., Morozova, E. V., & Jakushenkova, O. S. (2014). The Frontier as a Heuristic Model of Historical and Cultural Knowledge. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 304–314. (In Russian).
- Kabuzan V. M. (1996). *Population of the North Caucasus in the 19th – 20th centuries. Ethnostatistical study*. Russian-Baltic Information Center BLIC. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2017). Influence of the “Little Ice Age” on the peasant economy of southern Central Russia in the first half of the 19th century. In *Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times*.

- Fifth Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov* (pp. 362–366). Organizing Committee of the Readings in Memory of Academician L.V. Milov. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2021a). Historical and Demographic Fates of the Former Noble Villages of Tambov County in the 17th – 21st centuries. In *Russian Statehood in the Faces and Fates of Its Founders: IX-XXI Centuries*. (pp. 211–215). Publishing house of LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. (In Russian).
- Kanischev, V. V. (2021b). Historical stability of the settlements of the Belgorod feature (on the materials of Kozlovsky uyezd). *Agrarian History*, 6, 3–7. (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Baranova, E. V. (2015). The Spatial Representation of the South Russian Frontier Movement in the Middle 17th – Mid 19th Centuries. In *Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times. Fifth Readings in Memory of Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov* (pp. 178–186). Organizing Committee of the Readings in Memory of Academician L.V. Milov. (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Lyamin, S. K. (2018). Factors for a fractal model of the incorporation of the South Russian Frontier into Muscovity: a new version. *Journal of Frontier Studies*, 4, 60–73. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-10023> (In Russian).
- Kanischev, V. V., & Zhironov, N. A. (2021). Sustainability in the Development of Large Russian Rural Settlements of Central and Southern European Russia in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Centuries. *Voprosy istorii*, 11, 66–81. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi32> (In Russian).
- Lidzhieva, I. V., & Badmaeva, E. N. (2021). Quantitative Account of the Non-Slavic Population of the South of Russia in the Second Half of the 19th century. *Journal of Frontier Studies*, 3, 29–47. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.289> (In Russian).
- Minich, A. N. (2010). *Historical and Geographical Dictionary of Saratov Province: Southern districts of Tsaritsynsk and Kamyshin. Modern version*. Volgograd Academy of Public Service Publishers. (In Russian).
- Mironov, B. N. (1999). *Social history of Russia in the period of empire (18th – beginning of 20th centuries). Genesis of personality, democratic family, civil society and legal state*. Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Osipov, V. A. (1985). *Saratov region in the 18th century*. Saratov Book Publishers. (In Russian).
- Perechitskaya, S. L. (2011). Population of the South of the Russian Empire in the Last Quarter of the 18th Century. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 9, 66–69. (In Russian).
- Peretyatkovich, G. (1882). *The Volga region in the 17th and early 18th centuries. (Essays on the history of colonization of the region)*. Printing house of P. A. Zelenyi (O. G. Ulrich). (In Russian).
- Romanova, A. P., & Topchiev, M. S. (2014). The Caucasus as an Eternal Frontier. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 284–291. (In Russian).
- Romanova, A. P., Topchiev, M. S., & Sarakaeva, E. A. (2013). Intercultural Communication on the Frontier and Off the Frontier (Comparative Analysis). *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 298–303. (In Russian).
- Sazonova, S. (2009). State regulation of the resettlement of Ukrainians on the territory of the Caucasian Linear Cossack Army (late 18th – first half of the 19th century). *Vlast'*, 4, 123–127. (In Russian).
- Stepanova, L. G. (2020). Development of the Southern Territories of the Russian Empire in the Late 18th – First Half of the 19th Century: Structurally Formative Factors of Settlement. In *A Year-*

- book of *Agrarian History of Eastern Europe* (pp. 72–81). Publishing and Printing Center “Scientific Book”. (In Russian).
- Tikijian, R. G. (2014). Problems of the Don Cossacks' Transformation in the System of the Russian South-Eastern Frontier in the 16th–20th Centuries. In *Borders and Borderlands in South Russian History: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference* (pp. 541–547). Southern Federal University. (In Russian).
- Tikijian, R. G., Skorik, A. P., Kochegarov, A. V., & Trut, V. P. (1995). Essay three. The Don Cossacks and the Russian State: Historical Experience of Relationship. In *The Cossack Don. Essays on history. Part 1: History and Culture of the Rostov Region*.
<http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000034/index.shtml> (In Russian).
- Vereshchagin, A. V. (1885). *Historical overview of the colonization of the Black Sea coast of the Caucasus and its result*. Printing house of the Public Benefit Partnership. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2015). The Frontier as a Cultural Paradigm. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1, 288–298. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N. (2018). Astrakhan Frontier as a Model of Regional Development in the 17th – 19th centuries. In *Astrakhan Peter readings: “Russia-Astrakhan-East: Integral interaction (to the 300th anniversary of the Astrakhan province)”*: Materials of the International Scientific Conference (pp. 17–21). Astrakhan University Publishing House. (In Russian).
- Yakushenkova, O. S., & Yakushenkov, S. N. (2015). The Transformation of the Alien Image in a Post-Frontier Cultural Paradigm. *Scientific Journal of KubGAU*, 10, 326–337. (In Russian).
- Zhirov, N. A. (2019). Strategies of demographic behavior of the rural population of southern Central Russia in 1959–2010. At the district level. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 183, 244–251. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-244-251> (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanishev, V. V., & Lyamin, S. K. (2012). Modeling the Historical Dynamics of the South Russian Frontier. 17th – first half of the 19th century (FrontirFractal). *Newsletter of the History and Computer Association*, 42, 77–78. (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanishev, V. V., & Lyamin, S. K. (2019). Approaches to Fractal Modeling of Development Processes of the South Russian Frontier Zone: New Version of the Model. *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*, 182, 137–150. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-182-137-150> (In Russian).
- Zhukov, D. S., Kanishev, V. V., & Lyamin, S. K. (2020). The Development of Settlements within the South Russian Frontier of the 17th – early 19th centuries and the Current Demographic Situation in the Central Black Earth Region Countryside (Based on Materials from the Tambov Oblast). *Journal of Frontier Studies*, 4, 38–57. <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235> (In Russian).
- Zolotov, V. A., & Agafonov, A. I. (1977). Agriculture of the Don and Azov Region in the First Half of the 19th Century. In *The Don and the Steppe Pre-Caucasus. The 18th century and the first half of the 19th century. (Population and economy)*. (pp. 100–110). Rostov University Press. (In Russian).